

Болото — эпизод 5 из 8

В углу, перед образом, стоял пустой стол, и над ним на металлическом пруте спускалась с потолка висячая убогая лампа с черным от копоти стеклом. Студент присел около стола, и тотчас же ему стало так скучно и тяжело, как будто бы он уже пробыл здесь много-много часов в томительном и вынужденном бездействии. От лампы шел керосиновый чад, и запах его вызвал в уме Сердюкова какое-то далекое, смутное, как сон, воспоминание. Где и когда это было? Он сидел один в пустой, сводчатой, гулкой комнате, похожей на коридор; пахло едким чадом керосиновой лампы; за стеной с усыпляющим звоном, капля по капле падала вода на чугунную плиту, а в душе Сердюкова была такая длительная, серая, терпеливая скука.

— Поставь нам самоварчик, Степан, и взбодри яишенку, — приказал Жмакин.

— Сейчас, батюшка Егор Иванович, сейчас, — засуетился Степан. — Марья, — неуверенно обратился он к жене, — как бы ты там постаралась самовар? Господа будут чай пить.

— Да уж ладно. Не толкись, толкач, — с неудовольствием отозвалась Марья.

Она вышла в сени. Землемер покрестился на образа и сел за стол. Степан поместился поодаль от господ, на самом краю скамейки, там, где стояли ведра с водой.

— А я думаю себе, кто такой кричит? — начал добродушно Степан. — Уж не лесничий ли наш? Да нет, думаю, куда ему ночью, — он ночью и дороги сюда не найдет. Чудной он у нас барин. Непременно чтобы ему лесники ружьем на-караул делали, по-солдатски. Первое для него удовольствие. Выйдешь с ружьем и, конечно, рапортуешь: «Ваше-скородие, во вверенном мне обходе чернятинской лесной дачи все обстоит благополучно...» Ну, а, впрочем, барин ничего, справедливый. А что касаемо, что девок он портит, ну это, конечно, не наше дело...

Он замолчал. Слышно было, как рядом, в сенях, Марья со звоном накладывала угли в самовар, как на печке громко дышали дети. Люлька продолжала скрипеть монотонно и жалобно. Сердюков вгляделся внимательнее в лицо девочки, сидевшей на кровати, и оно поразило его своею болезненной красотой и необычайным, непередаваемым выражением. Черты этого лица, несмотря на некоторую одутловатость щек, были так нежны и тонки, что казались нарисованными без теней и без красок на прозрачном фарфоре, и

тем ярче выступали среди них неестественно большие, светлые, прекрасные глаза, которые глядели с задумчивым и наивным удивлением, как глаза у святых девственниц на картинах прерафаэлитов.

— Как тебя зовут, красавица? — спросил ласково студент.

Большеглазая девочка закрыла лицо руками и быстро спряталась за полог.

— Боится. Ну чего ты, глупая? — сказал Степан, точно извиняясь за дочь. Он неловко и добродушно улыбнулся, отчего все его лицо ушло в бороду и стало похоже на свернувшегося клубком ежа. — Варей ее звать. Да ты не бойся, дурочка, барин добрый, — успокаивал он девочку.

— И она тоже больна? — спросил Николай Николаевич.

— Что-с? — переспросил Степан. Густая щетина на его лице разошлась, и опять из нее выглянули добрые усталые глаза. — Больная, вы спрашиваете? Все мы тут больные. И жена, и эта вот, и те, что на печке. Все. Во вторник третье дитя хоронили. Конечно, местность у нас сырая, эта главное. Трясемся вот, и шабаш!..

— Лечились бы, — сказал, покачав головой, студент. — Зайди как-нибудь ко мне в Сердюковку, я хины дам.

— Спасибо, Миколай Миколаевич, дай вам бог здоровья. Пробовали мы лечиться, да что-то ничего не выходит, — безнадежно развел руками Степан. — Трое вот, конечно, умерли у меня... Главная сила, мокреть здесь, болото, ну и дух от него тяжелый, ржавый.

— Отчего же вы не переведетесь куда-нибудь в другое место?

— Чего-с? Да, в другое место, вы сказываете? — опять переспросил Степан. Казалось, он не сразу понимал то, что ему говорят, и с видимым усилием, точно стряхивая с себя дремоту, направлял на слова Сердюкова свое внимание. — Оно бы, барин, чего лучше перевестись. Да ведь все равно кому-нибудь и здесь жить надо. Дача, конечно, аграматная, и без лесника никак невозможно. Не мы — так другие. До меня в этой самой сторожке жил лесник Галактион, трезвый был такой человек, самостоятельный... Ну, конечно, похоронил сначала двоих ребяток, потом жену, а потом и сам помер. Я так полагаю, Миколай Миколаич, что это все равно, где жить. Уж батюшка, царь небесный, он лучше знает, кому где надлежит жить и что делать.

Марья вошла с самоваром, отворив и затворив за собою дверь локтем.

— Уселся, трутень безмедовый! — накинулась она на Степана. — Подай хоть чашки-то!..

Она с такою силой поставила на стол самовар, точно хотела бросить его. Лицо у нее было не по летам старое, изможденное, землистого цвета; на щеках сквозь кору мелких, частых морщин горел нездоровый кирпичный румянец, а глаза неестественно сильно блестели. С таким же сердитым видом она швырнула на стол чашки, блюдечки и каравай хлеба.